

М. Метерлинка о Бельгии.

На грандиозном митинге, устроенном в Милане в честь Бельгии, выступил М. Метерлинка. Приводим полностью речь знаменитого бельгийского поэта.

«Бельгия сама дала покарать себя. Ни один народ никогда не подвергался таким мукам. Она дала раздавить себя на смерть, чтобы защитники справедливости могли не только прийти на помощь, но и собрать все силы для спасения латинской культуры.

Своей безконечной жертвой Бельгия помешала падению этой культуры. И, поступив, таким образом, она оказала цивилизации ту же услугу, как греки, когда они жертвовали собой при нашествиях варварских азиатских орд.

Но жертва Бельгии не имеет равной ей в истории. В последней мы не найдем события, которое достигло бы подобной величавой грандиозности. Леонид и его триста спартанцев у Фермопил, принося прекрасную жертву жизни, защищали свои очаги, своих жен, своих детей. Между тем, бельгийский король, если бы он не помешал нашествию, не подвергал бы опасности своих детей. Да, Бельгия—не сражаясь—могла все выиграть. И ничего она не теряла, кроме чести. В трагической часе решения, Бельгии предлагалось: с одной стороны—грабежи, пожары, убийства, наводнение, — безграничное разрушение, что мы увидим теперь; с другой стороны, маленькое слово — честь, которое также представляет собой нечто безграничное. Ничто, чего не видишь, ибо надо быть очень чистым и очень большим, чтобы обидеть эту вещь. И этого история никогда не видела! Целый народ, большие и малые, богатые и бедные, мудрые и неучи—свободно пожертвовали собой.

Помните, тут нет речи об одном из тех героических решений, которые принимаются в момент энтузиазма. Здесь речь идет, напротив того, о решении, которое надо принять и осуществлять каждый день в течение четырех месяцев, среди величайших страданий, какія только знало человечество; о том решении, которое изо дня-в-день становится страшнее!

О, граждане, я видел, как огромные массы моих соотечественников растекаются в изгнание повсюду. Одни были богаты—и все потеряли. Другие были бедны и нынче еще бо-

лее обнищали. Я прочел большое число писем, пришедших со всех концов Европы, где укрылись изгнанники: в них—негодование против суровой несправедливости, поразившей отечество. Но ни в одном письме нет жалоб, упреков по поводу героического решения биться со зверским завоевателем! Ни в одном письме не прочел я: «Если бы наш король не сделал того, что сделал, мы не претерпели бы того, что претерпели». Никто не изменил своего поведения. Можно сказать, что героическая мысль освящена несчастьем.

Но бельгийцы не примирились. Они убеждены, что это великое несчастье никогда не изгладится из памяти людей: горячий и страстный порыв вырвался из глубины бельгийского народа и охватил его жизнь и дал ему душу твердую, подобную душам великих их королей.

Бельгийский народ сделал то, чего никогда не сделал другой народ, и этот поразительный пример не пропадет даром. Универсальная совесть и политическая мораль мира вознесены на высоту, которая еще не была достигнута; и с этих вершин не могут они больше сойти!

Бельгийский народ спас латинскую культуру.

Он в течение веков находился под параллельным влиянием двух могучих и враждебных одна другой культур: имел возможность выбирать—и не колебался. И его выбор тем более знаменателен, тем более богат поучением, что ни один народ не мог это сделать более сознательно. Больше половины бельгийцев—германского происхождения, и эта расовая близость давала им возможность понимать и судить, более нежели другим, ту культуру, которая с преобладанием относится к великой идее чести. Народ хорошо понял эту культуру, которая отвергла честь с ужасом, омерзением и насильем, ни с чем не сравнимым.

Бельгийцы, явив миру гордый пример, находились все вместе, сжавшись в одну несокрушимую линию. И теперь они уже на краю, не мужеству—нет!—но физической возможности. Народ Бельгии отдал все, чем обладал: все тем, чем обладал, он заплатил за грандиозную услугу, которую оказал миру. Все богатства его уничтожены; почти все художественные сокровища, которые составляли его гордость, эти сокровища искусства, по праву считавшиеся прекраснейшими на свете, нынче разрушены! Там, где высились чудесные города,—теперь

пустыня. Антверпен, Гент, Брюгге и Брюссель—они также осуждены. Прекрасная Grande Place, Hôtel de Ville и кафедральный собор Брюсселя, о, я знаю это и повторяю, не боясь опровержений,—все это минировано (тысячная толпа встает с мстостью и кричит: «Варвары! Долой варваров!»).

Все знают, что в груди развалины превращены Малинь и Лувен, Брюгге, Гент и Антверпен подвергнутся, увы, той же участи. И подумать, что в этих городах хранилась большая часть художественных богатств и сокровищ!

Я кончу сейчас. Пробил час встать против этого систематичного и безчувственного разрушения, которое не может быть оправдано никакими стратегическими соображениями.

Мы обращаемся теперь к благородной Италии, ибо в данное время она единственная в Европе страна, которая в состоянии остановить сбросившего оковы зверя. Вам остается протянуть руку, чтобы спасти нас. Мы уже пожертвовали нашей жизнью: для нас она ничего не стоит. Мы не приходим к вам поэтому с мольбой о спасении нашей жизни, нет! Во имя последних прелестей искусства, которыми варвары еще оставили нам, с мольбой мы являемся в страну красоты. В тот день, когда мы вернемся к нашим разрушенным очагам,—да не будет окончательно опустошена родная наша земля, чтобы мы могли хотя бы узнать ее!

Граждане, лучше других вы знаете, как дороги народу прелести и шедевры прошлого, ибо ваша земля полна воспоминаний. И прежде всего она—родина справедливости и колыбель права. Вот почему она обязана оказать нам справедливость, остановив насилье. Я взываю ко всем братьям по искусству и ко всем итальянцам, которые так любовно понимают творение гения. Я взываю ко всей Италии, странам прекрасных и благородных жизней. Я взываю, наконец, к прекрасному городу, в стенах которого хранятся неизгладимые следы величайшего артиста всех времен. Италия, твой долг оказать нам поддержку. Ведь ты—источник, ты—мать идеи, за которую бился и продолжают биться в последних траншеях последние солдаты, которые остались у нас». (В публике рыдания. Под крики «Смерть варварам! Да здравствует Бельгия!» манифестирующая толпа миланцев разсыпается по городу).